

Советские газеты 1920–1930-х гг. как источник по истории повседневности

Н. В. Тихомиров

Статья посвящена анализу массовой печати в СССР в контексте источниковедческой критики. Обосновано положение о советской прессе 1920–1930-х гг. как источнике, отражающем явления и события повседневной действительности. Основное внимание сосредоточено на исследовании заметок рабочих и крестьянских корреспондентов, а также писем советских граждан в редакции краевых, областных и районных газет. Выявлены возможности привлечения материалов общественно-политической прессы для изучения частных вопросов обыденной жизни советского населения. Работа нацелена на восполнение теоретического пробела, существующего в области научной оценки информационного потенциала и эвристических возможностей советской газетной периодики как исторического источника. Предложенные выводы расширяют научные представления о познавательной значимости многотиражной печати для исследовательской практики. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей работе по уточнению классификации письменных источников новейшей российской истории, а также в построении теоретического обоснования исследований ранней советской повседневности, опирающихся на массовую прессу как источник информации.

Ключевые слова: газеты, историческая антропология, исторические источники, история повседневности, источниковедение, микроистория, периодическая печать, советские газеты.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Советские газеты 1920–1930-х гг. как источник по истории повседневности // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 128–146. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_128. EDN: OAODVT

Введение

Газеты уже давно были осмыслены научным сообществом в качестве исторического источника и привлекаются для решения разнообразных исследовательских задач. Так, например, С. О. Шмидт отмечал значительную роль данного средства массовой печати в деле сохранения свидетельств о прошлом [1, с. 104]. По видовой принадлежности пресса принадлежит к числу письменных источников и, согласно определению Л. Н. Пушкарева, представляют «исторически сложившийся комплекс письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы» [2, с. 225]. При этом среди других представителей данного класса газета выделяется жанровым разнообразием и синтетической структурой. Это, в частности, служит причиной того, что некоторые авторы отказываются видеть в периодической печати самостоятельный вид источника. Так, В. М. Рынков предлагает считать её лишь «местом и способом публикации источников». Газета, в его понимании, «не является комплексным источником, но представляет собой комплекс источников» [3, с. 45]. Такие разногласия в среде специалистов говорят о том, что рассматриваемый объект нуждается в дальнейшем теоретическом изучении, в том числе с целью уточнения его классификационных признаков и соотношения с другими, близкими по форме группами источников.

Однако, главным для нас в рамках настоящей статьи, представляется содержательное наполнение прессы. Мы полагаем, что существующие представления об информационном потенциале газеты как источнике исторических сведений, остаются весьма ограниченными, заметно отставая в своём развитии от изменений общего проблемного поля современной исторической науки. Упомянутые изменения были обусловлены во многом существенным расширением круга теоретико-методологических установок в системе отечественного гуманитарного знания, пришедшемся на последнюю четверть минувшего века. Произошло обогащение идейного арсенала российских историков комплексом культурологических и антропологических концепций. Советские, а позже российские специалисты восприняли и творчески освоили опыт зарубежных коллег, связанный с развитием традиций т. н.

школы «Анналов». Так, новейший период отечественной историографии ознаменовался становлением новых направлений научно-исследовательской практики, опирающихся на принципы историко-антропологической парадигмы. Это потребовало выработки новых исследовательских стратегий, позволяющих изучать исторические факты в наибольшем, человеко-размерном приближении, воспроизводить историческую действительность с предельно высокой детализацией.

Указанные тенденции воплотились в росте интереса историков к изучению проблем повседневной жизни людей прошлого. Согласно определению Н. Л. Пушкарёвой и С. В. Любичанковского, история повседневности – это «отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [4, с. 7]. Постижение обыденности открывает новые грани в понимании большой, событийной, истории. Такой пересмотр задач исторического познания неизбежно сопряжён с ревизией воззрений на источник – то, что формирует базу всякого исторического исследования. Потому мы полагаем необходимым актуализовать вопрос о познавательной ценности такого источника как советские газеты в связи с возможностью его задействования для изучения истории повседневности.

Результаты

Объектом нашего изучения являются советские многотиражные газеты, выпускавшиеся в 1920–1930-е гг. В качестве конкретных примеров, иллюстрирующих положения статьи, были привлечены материалы нескольких изданий: 1) «Северный рабочий» – орган Ярославского Окружного комитета ВКП(б), а также местных Окрисполкома и Окрпрофсовета, выходила ежедневно; 2) «Советская Сибирь» – орган Сибирского (с 1930 г. Западно-Сибирского) Крайкома ВКП(б), Краевого исполкома советов и Сибирского Краевого совета профсоюзов, выходила ежедневно за редкими исключениями; 3) «Ойротский край» – орган Ойротских Обкома ВКП(б), Облсполкома и Облпрофбюро, выходившая дважды в неделю. Структура выпусков названных изданий имеет черты сходства: публиковавшиеся материалы отражают международную, общесоюзную

и местную повестку. Последней всегда присуща специфика, обусловленная особенностями хозяйственного и социально-культурного развития региона. Так, первые два издания отражают реалии бойко развивающихся крупных промышленных центров, их публикации посвящены проблемам производства, трудовой дисциплины, социальному обеспечению населения, партийному контролю и т. д. «Ойротский край» сосредоточен преимущественно на проблемах алтайского села, связанных с трудностями перестройки традиционного быта. Вместе с тем общими темами для всех газет являются коллективизация, культурное строительство, проведение классовой линии в устроении жизни на местах.

Хронологические рамки обусловлены как своеобразием данного периода в развитии СССР, так и особенностями тогдашней массовой печати, пребывавшей в состоянии становления. Выводы, полученные в ходе нашего анализа, могут быть *mutatis mutandis* распространены на весь массив советской общественно-политической прессы.

Сегодня отношение историков к советской периодической печати зачастую остаётся скептическим. По справедливому замечанию Е. В. Каменской, её источниковедческий потенциал «в глазах многих исследователей сводится к минимуму в связи с присущей ей идеологической ангажированностью» [5, с. 42]. Группа историков из РГГУ в коллективном труде, посвящённом вопросам источниковедения, характеризует советскую прессу как «одноликую» и «серую», утверждая, что она «никогда не являлась зеркалом, отображающим действительность, да и не ставила перед собой такие задачи» [6, с. 624]. Мы не можем согласиться с таким утверждением как содержащим изрядную долю предубеждённости, что делается ясным при внимательном изучении газетных материалов за интересующий нас период. Конечно, немалая часть любого выпуска содержала информацию, распространявшуюся централизованно и однообразно воспроизводимую всеми изданиями по стране. Таковы, например, заметки о международных делах, партийных съездах и пр. Однако этим не исчерпывается спектр вопросов и проблем, получавших освещение в разных изданиях. Местная пресса в областях, краях, округах, районах не занималась одним перепечатыванием тезисов центральных «Правды» или «Известий»,

будучи сосредоточенной преимущественно на вопросах регионального значения.

В этой связи следует упомянуть об одной из важнейших функций, осуществлявшихся газетами в означенное время. 1920–1930-е гг. стали временем коренных изменений: запущенная большевиками культурная революция была нацелена на перестройку быта, мировоззрения, семейных, гражданских и трудовых отношений в обществе. Массовая пресса была призвана освещать и направлять соответствующие процессы, и тем самым наделялась идейно-воспитательной функцией, которая не сводилась лишь к распространению лозунгов о новых образцах поведения и внушению гражданам набора пропагандистских догматов. Газеты, находясь на острие борьбы за новый быт и культуру, выявляли изъяны, изобличали пороки в разных областях общественной жизни, показывали и бичевали явления, недопустимые в новых реалиях. Это требовало привлечения конкретного материала, и потому, вопреки упомянутому выше мнению, советская пресса в ранний период своего существования, безусловно, была зеркалом действительности.

Газета принадлежит числу массовых источников, чьё существование тесно связано с насущными проблемами общества, вследствие чего одной из присущих ей функций является воздействие на общественные отношения. В первые десятилетия советской власти это воздействие особенно заметно. С одной стороны, пресса выступала приводным ремнём создававшегося механизма государственного правления: она наставляла, инструктировала, порицала, просвещала, – одним словом, руководила народными массами от лица высшей власти. С другой стороны, и для нас это особенно важно, печатные органы нередко служили орудием граждан в их стремлении преодолеть множественные проблемы в быту, организации труда, работе хозяйственных организаций и т. д. В условиях незрелости административного аппарата на местах, слабо развитого гражданского сознания населения и его низкой правовой грамотности газета для людей подчас выступала едва не единственным средством разрешить их жизненные трудности. По мере укрепления и совершенствования советской государственности описанный функционал массовой печати неуклонно редуцировался, однако в 1920–1930-е гг. его непременно следует иметь

в виду для верного понимания информационного потенциала газетных источников.

Оценивая степень охваченности населения газетными изданиями в конкретный исторический период, недостаточно опираться исключительно на показатель тиража. Так, в условиях становления советской газетной периодики в 1920–1930-х гг. количество выпусков даже крупных региональных изданий могло быть невелико – 20 000–50 000 экземпляров. Однако следует помнить об особенностях социального восприятия газетных публикаций в указанный период времени. Газеты задействовались в культурно-массовой работе: партийные активисты в городах и сельской местности производили громкие читки печатных материалов с последующим их обсуждением; газеты выписывались для изб-читален и красных уголков, поступали в столовые и чайные. Наконец, отдельный гражданин, получавший газету по подписке, после прочтения мог пересказывать её содержание своему окружению.

В условиях ограниченности информационных возможностей газеты становились одним из основных каналов распространения общественно значимых сведений. Редакции формировали запрос на получение данных с мест, стремясь насытить выпуски актуальными и острыми материалами.

Огосударствление печати сделало её орудием партийно-государственного руководства в деле осуществления масштабной программы построения социализма. Коренным вопросом внутренней политики СССР в 1920–1930-е гг. была глубокая модернизация общества, искоренение прежней культурной нормы (нравов, обычаев, мировоззрения) и насаждение новой – социалистической. Решению этого вопроса в той или иной мере была подчинена деятельность массовой печати в центре и на местах. Построение нового общества было сопряжено с напряжённой борьбой, которую по всему Союзу вёл культурный актив в лице работников образования, партийных пропагандистов, разнообразных общественных организаций и, конечно, редакционных коллективов газет.

Произвести идейно-нравственное обновление людей, перевоспитать их в духе гражданской сознательности было невозможно посредством одной агитационной риторики. Требовалась кропотливая работа с конкретными пороками

общественной жизни, их изобличение на примере частных поступков и происшествий, а также показательная критика провинившихся граждан и организаций. Таким образом, газеты не могли в своей работе ограничиться простой передачей и распространением пропагандистских посылов из союзного центра. Они должны были вовлекаться в гуцу общественных отношений, чтобы отслеживать, как в отдельно взятой местности происходит развёртывание советского культпохода, укоренение социалистической нравственности, изживание старого уклада и т. д. Отсюда закономерно возникала необходимость предметного рассмотрения в газетных публикациях некоторых сторон обыденной жизни разных категорий населения. На этом и будет сосредоточено наше внимание в дальнейшем. Постараемся в общих чертах определить познавательный потенциал ранней советской прессы.

В. Г. Литвак высказал верное замечание по поводу информационных возможностей массовых источников: «Поскольку первичный массовый документ не только отражает единичный исторический факт, но порой сам является частью его, перед историком открывается бóльшая возможность непосредственного восприятия факта, чем при анализе сводного, обобщающего документа, который неизбежно освещает факты сквозь призму субъективного восприятия создателя этого документа» [7, с. 110]. Среди материалов советской печати изучаемого периода мы находим сообщения от обывателей, которые сами по себе могут рассматриваться как исторические события. Таковы объявления, размещавшиеся многими крупными газетами в соответствующих рубриках. Среди прочего, здесь представлены любопытные сообщения, имеющие характер своего рода деклараций или, в некоторых случаях, публичной исповеди. Наиболее частые такие материалы в газетах рубежа 1920–1930-х гг., времени «великого перелома». Типичными являются сообщения такого рода: «Я, Малякина М. А., отказываюсь от своего отца как лишёнца и всю связь с ним порываю» [8, с. 4]; либо «Я, И. А. Шарунин, отказываюсь от должности псаломщика с. Даводкова Ярославского района» [9, с. 4]. Целью заявителей было прилюдно сообщить о своих поступках, превратив бытовое событие в общественно значимое действие. Потому опубликование таких объявлений следует понимать как

отражение одного факта, а также запечатление другого факта, творящегося одновременно с его запечатлением. Поскольку лишь напечатанием в газете осуществлялось задуманное – человек оглашал свою нравственную позицию, совершая своего рода гражданское самоочищение.

Такие заявления-события, пусть микроскопического масштаба, будучи выделенными из ткани исторического процесса, помогают наблюдателю яснее увидеть его структуру, достроить систему ориентиров для лучшего понимания его внутренних связей. Данные свидетельства содержат ценную информацию для исследователя повседневности. Для их обработки могут быть успешно применены, прежде всего, методы математического анализа, позволяющие выяснить, как изменялась во времени динамика поступления таких писем от граждан, какие категории населения их писали, и какие послы являлись преобладающими. Так ярославская газета «Северный рабочий» только в номерах за март 1930 г. разместила в общей сложности 44 объявления рассматриваемого типа. Из них большинство (35) связано с отказом детей от родителей, и меньшая часть (9) – с отказом от церковного служения. Подобного рода заявления печатались и в других изданиях. К примеру, «Советская Сибирь» в том же 1930 г. помещала тексты вида: «Порываю связь с отцом Василием Ивановичем Андреевым как с лишенцем, дочь Мария Андреева. Большевистская, 55» [10, с. 4]. Встречаются и весьма пространные послы, как, например, опубликованные в 1928 г. «Ойротским краем» письма алтайских кудесников (камов), которые не только отказывались от прежних занятий, но и разоблачали ложность камланий [11, с. 1; 12, с. 2].

В структуре всего массива газетных публикаций за интересующий нас период объём подобного материала огромен. Его изучение, требующее сбора, обобщения, статистической обработки и сравнения данных по разным регионам, пока остаётся делом будущего. Но уже сейчас можно с уверенностью говорить об информационной значимости данных сообщений как отражающих коренные изменения в обыденном сознании широких масс населения под воздействием агитационно-пропагандистских мероприятий.

Также при работе с газетными объявлениями плодотворны методы контент-анализа и анализа дискурса. Исследо-

вание структуры, содержания и языка объявлений даёт возможность изучить настроения рядовых граждан, проследить влияние на их сознание и поступки установок официальной пропаганды. Такая работа должна иметь комплексный характер, который предполагает анализ множества газетных объявлений за выбранный период. Этим будет обеспечена представительность полученных данных, что позволит сделать выводы о чертах быта населения рассматриваемого региона, динамике его культурного развития и особенностях образа мысли. Например, объявления в газете «Советская Сибирь» начала 1930-х гг. содержат сведения о продаваемых и утерянных вещах, благодаря чему появляется возможность составить представление о деталях быта населения Новосибирска в период ускоренной индустриализации. Многочисленны частные сообщения о продаже мебели, домашней утвари, спортивного и охотничьего инвентаря, животных. Среди сбываемых вещей встречаются «дубовый кабинет, письменный дубовый стол» [13, с. 4], «дамская дошка и трюмо» [14, с. 4], «рояль Шредера» [15, с. 4], «варшавская кровать» [16, с. 4], фотоаппарат [17, с. 4], «ружьё заграничное» [18, с. 4] и прочее. Примечательны породы собак, потерянных и выставляемых на продажу: шпиз [19, с. 4], овчарка [20, с. 4], пойнтер [21, с. 4], шотландский сеттер [22, с. 4] и т. д. Такого рода данные позволяют судить о благосостоянии части горожан, типовых чертах их домашней обстановки, увлечениях (часто встречаются объявления о продаже велосипеда; упоминаются фотоаппараты, ружья и охотничьи породы псов). В данном случае обширные перечни предметов быта горожан, составленные по газетным публикациям, помогают воссозданию материальной культуры позднего НЭПа в сибирской провинции и показывают относительную устойчивость некоторых её элементов уже в первые годы ускоренной индустриализации.

Подобного толка информация, несомненно, способна дополнить и расширить картину представлений об обыденной жизни изучаемого региона. Несмотря на отрывочность и кажущуюся скудость известий, ошибочно было бы пренебрегать ими в исследовательской работе. Вспомним слова М. Блока: «Всё, что человек говорит или пишет, всё, что он изготавливает, всё, к чему он прикасается, может и должно давать о нём сведения» [23, с. 39]. Познавательная ситуация в исторической науке

после произошедшего антропологического поворота требует внимательного отношения ко всякому источнику и ко всяким деталям, в нём содержащимся.

Массовую советскую прессу можно классифицировать в привязке к системе административно-территориального деления СССР. Полученный перечень будет включать общесоюзные и региональные издания, среди которых выделяются республиканские, областные (краевые), окружные и районные газеты. Вторая категория изданий представляет наибольший интерес в разрезе исследования повседневности. Если центральная пресса в силу стоящих перед ней задач была сосредоточена преимущественно на вопросах политики, культуры и хозяйства страны в целом, то редакционные коллективы на местах освещали соответствующие проблемы в преломлении региональной специфики. Их публикации наполнены конкретными сведениями об устройении общественных взаимодействий, связанных с ними противоречиях, пережитках, функционировании новых социальных институтов и т. д.

Информационный потенциал конкретного издания предопределяется как редакционной политикой, так и особенностями соответствующего региона в рассматриваемый период. Говорить о единстве содержания всей советской печати 1920–1930-х гг. не приходится. Безусловно, редакции в регионах работали в русле повестки, задаваемой сверху. Больше того, некоторые материалы центральных печатных органов могли с точностью воспроизводиться на местах (это касается освещения международных событий, партийных съездов и пр.). В то же время проблемы общесоюзного значения нередко имели своеобразные, даже экзотические, проявления в условиях местной специфики, что и получало отражение в газетных публикациях.

Примером того может служить общесоюзный смотр общественного питания, производившийся по стране весной 1930 г. Инициатором выступила столичная «Правда», на местах почин подхватили региональные редакции многотиражных газет. Они направляли и координировали мероприятия по проверке работы столовых и кухонь, что далее получало освещение в газетных публикациях.

При схожести в целом характера проблем, присущих развитию советского общепита на указанном этапе, в каждой

местности они обретали свою качественную и количественную специфику. Выявление и сравнительный анализ особенностей функционирования системы общественного питания в разных частях СССР позволяет уточнить и дополнить имеющиеся представления о темпах и внутренних противоречиях советской модернизации.

Данный вопрос подробно освещался в нашей ранней публикации на примере Сибирского края с привлечением материалов местной прессы, которые «убедительно показывают сложность и многогранность этой частной стороны жизни советского общества, взятой на коротком отрезке исторического времени в антропологическом аспекте» [24, с. 141].

Итак, содержание региональной прессы отчасти подсказывалось тенденциями общесоюзного уровня. Однако в значительной мере наполнение выпусков бывало predetermined социальным, экономическим и культурным своеобразием данного региона. Любопытно сопоставить, к примеру, материалы массовой печати двух географически близких территорий – Новосибирского округа и Ойротской автономной области (горного Алтая), до середины 1930 г. входивших в состав Сибирского края РСФСР. Новониколаевск-Новосибирск в первые послереволюционные десятилетия представлял собой быстро растущий промышленный и культурный центр, где ярко проявились как признаки НЭПа, так и начала социалистической культурной революции, а также последствия сталинского «великого перелома». В то же время Горный Алтай оставался глухой сельской окраиной, где с трудом пробивал себе дорогу новый социалистический быт. Печатные органы местных руководящих организаций – «Советская Сибирь» и «Ойротский край» – крайне несхожи в подборе тем и сюжетов, проблематике публикаций.

Соответственно опыт анализа материалов одного издания не всегда успешно переносим на другое, и ожидания исследователя в этой связи могут оказаться несостоятельными. Историк в своей работе надлежит выяснить ведущую проблематику анализируемого издания за изучаемый период и установить, какие стороны повседневной жизни нашли отражение в публикациях. Уровень культурного развития, хозяйственный уклад региона, состав населения и другие обстоятельства predetermined конфигурацию тем и сюжетов, оказывавшихся в поле зрения

журналистов. Так, общественность Новосибирска, крупного транспортного узла, неизменно волновали события вокруг местной железной дороги. Газета не единожды живописала местный вокзал, называемый в статьях сумасшедшим домом [25, с. 3] и адом [26, с. 4]. В соседнем горном Алтае, слабо развитой сельской провинции, газета «Ойротский край» заботилась об иных делах, например, об искоренении народных суеверий и предрассудков, преобразении традиционного быта алтайцев. Печатные материалы содержат описания, и порой подробные, деятельности коновалов [27, с. 3] и знахарей [28, с. 4], рассказывают об освоении коренным населением правил домашней гигиены [29, с. 2]. Некоторые публикации напоминают по содержанию этнографические зарисовки.

Значительный объём сведений о жизни советских людей в 1920–1930-е гг. газеты получали от рабкоров и селькоров. Эти добровольные помощники редакций сообщали с мест о состоянии дел на предприятиях, ходе культмассовой работы, настроениях в различных областях жизни и т. д. Информация такого рода содержит первичное отражение фактов обыденной жизни, образующих её структур повседневности.

В этом отношении многим газетам первых послереволюционных десятилетий присущи выраженные черты народности, особенно различимые в удалённой провинции. Таково, например, издание «Сталинский путь», освещавшее жизнь Тайгинского района в составе Кемеровской области Западно-Сибирского края. В номерах за 1930-е гг. размещено множество писем от читателей, рассказывавших о собственных нуждах или сообщавших о беспорядках в некоторой области общественных отношений. К примеру, среди опубликованной части редакционной почты содержится много свидетельств о состоянии местной системы школьного образования. Знакомство с этими материалами позволяет узнать о трудностях в работе школ, проблемах материального обеспечения учеников, быте просвещенцев, их взаимоотношениях с руководителями сельсоветов [30].

Редакции газет побуждали население к деятельному участию в рабкорской работе, призывая слать письма с наблюдениями и предложениями, которые могли быть полезны в устройении нового быта. Так, «Ойротский край» призывал неравнодушных граждан: «Селькоры! Срочно шлите материалы о работе

кооперативов и комитетов взаимопомощи, о их недостатках и достижениях» [31, с. 2]. В установочной статье ярославского «Северного рабочего» рабкор назывался «помощником партии и сознательным участником социалистического строительства» [32, с. 3]. Такой подход, исповедуемый в целом советской прессой, предполагал известные ограничения в перечне предметов, за разработку которых брались авторы на местах. Вопросы, которые в редакции считали не имевшими общественного значения, к рассмотрению не принимались. Некоторые издания по этому поводу давали информаторам публичные отповеди, вроде следующей: «Это личная мелочь, касающаяся только Вас» [33, с. 4].

Следствием такого отношения явилось то, что значительный объём писем, содержавших сведения о повседневной жизни советских людей, оказался необнародованным и, видимо, утраченным для исследователей. В. В. Кабанов отмечает, что почта, поступающая в редакции газет от частных лиц, в большинстве случаев не хранилась долго [34; с. 224–225]. А значит, сегодня помыслы советских граждан, изложенные ими в таких посланиях, доступны нам только посредством состоявшихся газетных публикаций. Причём зачастую эти письма проходили редакторскую правку, что, между прочим, даёт дополнительный довод против приведённого выше тезиса Рынкова о газете как месте публикации источников: подвергнутый, пусть и незначительной, переработке текст формально не может считаться тождественным первоисточнику.

Как бы то ни было, сообщения рабкоров, селькоров и просто активных граждан при всех ограничениях и условностях редакционной политики являют собой представительный пласт информации, которая позволяет судить об образе жизни рядовых людей, проблемах в их повседневном существовании и навыках их разрешения, способах мышления и осмысления ими окружающей действительности. В этом выражается диалектичность советской газеты, борьба которой за проповедуемый идеал будущего была переплетена с критикой настоящего в его наличном конкретном разнообразии. Объектами критики становились пережитки прошлого, перегибы и недостатки в работе служащих и управленцев – населению подсказывались пути преодоления старых пороков общества на пути к социалистическому будущему.

С. О. Шмидт замечал: «Поскольку непосредственным материальным воплощением мышления является слово, оно несёт в обществе основную культурную и познавательную нагрузку» [1, с. 112]. Тексты газетных заметок, безусловно, культурно нагружены: в них запечатлены очертания быта, действия институций, формы коллективного мышления, – всё то, что даёт в совокупности живую картину повседневности. Какова польза такой реконструкции? Разумеется, приращение знаний о прошлом имеет самостоятельную ценность для исторической науки. Но не менее важно то, что знание о протекании разнообразных процессов на микроуровне общественной организации служит лучшему пониманию крупных процессов, характеризующих развитие страны в целом. Так, наблюдение советской культурной революции 1920–1930-х гг. в человекообразном масштабе позволяет составить представление о скорости и степени равномерности модернизации в разных точках СССР, своеобразии восприятия новшеств населением в отдельных регионах.

Насущным остаётся вопрос о степени полноты и точности сведений, которые можно почерпнуть из газетных источников. Очевидное затруднение, с которым сталкивается исследователь повседневности при работе с материалами прессы, состоит в ограниченности числа исторических фактов, отражённых в публикациях. Отсюда возникает опасность искажения исторической действительности, поскольку историку приходится воспроизводить её по сравнительно малому набору исходных сведений. Это чревато заблуждениями относительно распространённости некоторых явлений, переоценкой их социально-культурной значимости. Народные респонденты могли снабжать редакции недостоверной информацией, на что те иногда прямо указывали [35, с. 4]. Здесь мы имеем дело с личностным началом, субъективностью, которая роднит рабкоровские сообщения с источниками личного происхождения, порождая соответствующие издержки. Это же подсказывает методологические ориентиры в работе с такими публикациями. При этом стоит отметить, что погрешности в отображении исторических фактов, неизбежно содержащиеся в указанных сообщениях, также могут иметь познавательную ценность как указывающие на особенности восприятия действительности рядовыми советскими гражданами. Анализ такого рода аберраций по-

зволяет обнаружить противоречия в понимании обывателями социально-культурных новшеств, особенности усвоения ими новых форм поведения и т. д.

Могут ли газетные материалы служить основой для источниковой базы исследования, посвящённого обыденной жизни? Возьмёмся ответить положительно, с оговоркой, что речь идёт о решении частных вопросов, требующих значительной ограниченности предмета в пространстве. Иначе говоря, массовая печать способна высветить многие примечательные черты повседневности города, района, области. Такого рода изыскания могут быть отнесены к области микроистории. При выходе содержания публикаций на уровень страны или макрорегиона конкретика повседневности уступает место большим обобщениям и событиям национальной истории как таковой.

Обсуждения и выводы

Итак, советские газеты 1920–1930-х гг. заслуживают того, чтобы считаться источником, отражающим действительность современной ему общественной жизни. Многие материалы массовой общественно-политической периодики сближаются с эго-документами по форме и содержанию. Безоговорочно приравнять их к источникам личного происхождения не позволяют соображения о возможном наличии редакторского вмешательства, даже при ничтожном объёме последнего. Тем не менее, нарушение авторской стилистики не лишает письменные обращения граждан в газету их главного достоинства – содержащегося в них отражения конкретных элементов повседневности.

Подчеркнём принципиально важное обстоятельство: газеты не ограничивались простой декларацией целей и задач общественного развития, провозглашённых высшим партийно-государственным руководством, но, будучи проводниками социалистической культуры, занимались последовательной критикой противоречивших ей реалий своего времени. Таким образом, тезис о формировании массового сознания как ведущей функции прессы надлежит понимать так, что предлагаемый обществу идеал всегда необходимо сопряжён с изображением изъянов наличного порядка вещей. Создаваемая таким образом картина жизни малых общностей (в основном, городов и районов) имеет человекообразный масштаб, открывающий

наблюдателю обширный массив первичной исторической информации о фактах обыденности рассматриваемой эпохи.

Завершение культурной революции в СССР сняло с повестки многие вопросы, бывшие насущными в первые два десятилетия большевистского руководства. Это поменяло состав и содержание газетных публикаций, что не позволяет (по крайней мере, в рамках данной статьи) распространять выводы об информационном потенциале газет 1920–1930-х гг. на позднейший период советской истории.

Что же касается в целом советских газет указанного времени, их возможности отражения вещественного и культурного бытия советских людей представляются бесспорными, а познавательный потенциал является достаточными для того, чтобы данные материалы рассматривать как важную составляющую источниковой базы в исследованиях повседневности, не ограничивая их применения сугубо вспомогательными функциями.

Список литературы

1. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
2. Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.
3. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.
4. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – С. 7–21. EDN: SEELED
5. Каменская Е. В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года: сборник научных статей. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 37–44. EDN: УРАРЕУ.
6. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
7. Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1969. С. 102–114.
8. Северный рабочий. – 1930. – № 69.
9. Северный рабочий. – 1930. – № 64.
10. Советская Сибирь. – 1930. – № 11.

11. Ойротский край. – 1928. – № 50.
12. Ойротский край. – 1928. – № 99.
13. Советская Сибирь. – 1930. – № 15.
14. Советская Сибирь. – 1930. – № 22.
15. Советская Сибирь. – 1930. – № 53.
16. Советская Сибирь. – 1930. – № 74.
17. Советская Сибирь. – 1930. – № 243.
18. Советская Сибирь. – 1933. – № 118.
19. Советская Сибирь. – 1934. – № 68.
20. Советская Сибирь. – 1932. – № 138.
21. Советская Сибирь. – 1930. – № 74.
22. Советская Сибирь. – 1931. – № 327.
23. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 256 с.
24. Тихомиров Н. В. «Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь») // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 126–143. DOI 10.35231/25422375_2023_2_126.
25. Советская Сибирь. – 1930. – № 148.
26. Советская Сибирь. – 1927. – № 196.
27. Ойротский край. – 1926. – № 6.
28. Ойротский край. – 1929. – № 52.
29. Ойротский край. – 1928. – № 33.
30. Тихомиров Н. В. Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга) // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 3. – С. 297–306. DOI 10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306. EDN НКУВУК.
31. Ойротский край. – 1925. – № 39.
32. Северный рабочий. – 1930. – № 74.
33. Ойротский край. – 1928. – № 3.
34. Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
35. Ойротский край. – 1925. – № 81.

Soviet Newspapers of the 1920s – 1930s as a Source on the History of Everyday Life

Nikita V. Tikhomirov

The article is devoted to the analysis of mass newspaper printing in the USSR in the context of source criticism. The position of Soviet press of the 1920s – 1930s as a source reflecting the phenomena and events of everyday reality is substantiated. The main attention is focused on the study of notes of workers and peasant correspondents, as well as letters of Soviet citizens in the editorial offices of province, regional and district newspapers. The possibilities of attracting materials of socio-political press to study private issues of everyday life of the Soviet population are revealed. The work is aimed at filling the theoretical gap existing in the field of scientific evaluation of the information potential and heuristic capabilities of the Soviet newspaper periodicals as a historical source. The

proposed conclusions expand the scientific understanding of the cognitive significance of large-scale printing for research practice. The results obtained can be used in further work on clarifying the classification of written sources of contemporary Russian history, as well as in constructing theoretical justification for studies of early Soviet everyday life based on the mass press as a source of information.

Key words: newspapers, historical anthropology, historical sources, history of everyday life, source studies, microhistory, periodicals, soviet newspapers.

For citation: Tikhomirov, N. V. (2024) Sovetskie gazety 1920-h – 1930-h gg. kak istochnik po istorii povsednevnosti [Soviet Newspapers of the 1920s – 1930s as a Source on the History of Everyday Life]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 128–146. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_128. EDN: OAOVDVT

References

1. Shmidt, S. O. (1997) *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The Path of the Historian: Selected Works on Source Studies and Historiography]. Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
2. Pushkaryov, L. N. (1975) *Klassifikaciya russkih pis'mennyh istochnikov po otechestvennoj istorii* [Classification of Russian written sources on Russian history]. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
3. Rynkov, V. M. (2010) Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arhivy* [Domestic archives]. No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
4. Pushkareva, N. L., Lyubichanskovskij, S. V. (2014) *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annals school to the Russian Philosophical school]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.)
5. Kamenskaya, E. V. (2017) *Sovetskie gazety kak istoricheskij istochnik: specifika i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'. K 100-letiyu rossijskoj revolyutsii 1917 goda: Sbornik nauchnykh statej* [Man, society, power. To the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917: Collection of scientific articles]. Ekaterinburg: UrFU Publ. Pp. 37–44. (In Russ.)
6. Danilevskij, I. N., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M., Rumyantseva, M. F. (1998) *Istochnikovedenie: Teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossijskoj istorii: uchebnoe posobie dlya gumanitarnyh special'nostej* [Source studies: Theory, history, method. Sources of Russian History: textbook for humanities]. Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
7. Litvak, B. G. (1969) *O putyah razvitiya istochnikovedeniya massovyh istochnikov* [On the ways of developing the source studies of mass sources]. *Istochnikovedeniye: Teoreticheskiye i metodicheskiye problemy* [Source studies: Theoretical and methodological problems]. Ed. by S.O. Schmidt. Moscow: Science Publ. Pp. 102–114. (In Russ.)
8. *Severnyj rabochij* [Northern Worker]. 1930. No. 69.
9. *Severnyj rabochij* [Northern Worker]. 1930. No. 64.
10. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 11.
11. *Ojrotskij kraj* [Oiro region]. 1928. No. 50.
12. *Ojrotskij kraj* [Oiro region]. 1928. No. 99.
13. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 15.
14. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 22.
15. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 53.
16. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 74.
17. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 243.
18. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1933. No. 118.
19. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1934. No. 68.

20. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1932. No. 138.
21. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 74.
22. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1931. No. 327.
23. Blok, M. (1986) *Apologiya istorii, ili remeslo istorika. 2^e izd.* [The apology of history, or the craft of the historian. 2nd ed.]. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
24. Tikhomirov, N. V. (2023) "*Korennoj vopros dnja*": *smotr obshchestvennogo pitanija 1930 g. v Zapadnoj Sibiri (po materialam gazety "Sovetskaja Sibir'")* ["The key question of the day": review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on the materials of the newspaper "Soviet Siberia")]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 126–143. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_2_126.
25. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 148.
26. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1927. No. 196.
27. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1926. No. 6.
28. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1929. No. 52.
29. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1928. No. 33.
30. Tikhomirov, N. V. (2023) *Povsednevnost' provincial'noj shkoly 1930-h gg. po materialam gazety "Stalinskij put"* (g. Tajga) [Everyday life of the provincial school of the 1930s based on the materials of the newspaper "Stalin's Way" (Taiga)]. *SibSkript* [SibScript]. Vol. 25. No. 3. Pp. 297–306. (In Russ.). DOI 10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306.
31. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1925. No. 39.
32. *Severnyj rabochij* [Northern Worker]. 1930. No. 74.
33. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1928. No. 3.
34. Kabanov, V. V. (1997) *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: Kurs lekcij* [Source studies of the history of Soviet society: A course of lectures.] Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
35. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1925. No. 81.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

About the author

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

Статья поступила в редакцию 31.08.2023
Одобрена после рецензирования 27.09.2023
Принята к публикации 5.02.2024